

Ши Сюньлюй едва закончил говорить, как из глаз Юньтина, словно жемчуг, не стоящий ни гроша, покатались крупные, полные слезы. Они блестели, делая его похожие на черные виноградины глаза еще темнее, влажнее и жалостливее. Уголки глаз слегка опустились, изогнувшись в невинной и скорбной дуге, и в мгновение ока все лицо Юньтина оказалось мокрым от слез.

Ши Сюньлюй пришлось вытирать слезы Юньтина рукавом, но вскоре тот промок настолько, что с него хоть воду выжимай.

Ши Сюньлюй, держа в руках мокрую ткань, прищурился, его лицо потемнело:

— ...

Юньтин, продолжая всхлипывать, украдкой приоткрыл один глаз и выглянул наружу. Он как раз успел заметить, как Ши Сюньлюй сжал кулаки, а на его лбу вздулась вена от раздражения:

— ...

Юньтину стало обидно, но он не стал жаловаться, а лишь зарыдал еще громче. Если раньше это был легкий дождик, то теперь разверзся настоящий ливень.

Ши Сюньлюй:

— ...

Все, хватит, гори оно огнем.

Юньтин обладал исключительным талантом и с самого детства не знал поражений среди сверстников своего уровня культивации. Однако, стоило ему столкнуться с учителями или наставниками, превосходящими его в силе, как он тут же трусил. Его часто избивали до полусмерти, а так как он был крайне чувствителен к боли, физиологические слезы всегда текли сами собой. Со временем он понял: стоит ему поплакать, как учителя тут же переставали его «воспитывать».

Этот метод работал безотказно.

Хотя Юньтину было уже сто шестнадцать лет, из-за долгих периодов медитации он прожил среди людей всего шестнадцать лет, большую часть из которых потратил на тренировки. По сути, он оставался ребенком. Ши Сюньлюй, наблюдая за ним, заметил, как Юньтин сквозь пальцы подглядывает за его реакцией, и понял, что тот вовсе не боится смерти — просто хочет, чтобы его оставили в покое.

Но Ши Сюньлюй не мог провалить свое испытание.

Он вздохнул, присел перед Юньтином и погладил его по голове. Ему показалось, что тот стал

немного ниже ростом, но, не заикливаясь на этом, он принялся его утешать:

— Ладно, ладно, считай, что ты победил. Ты победил, доволен?

Едва он договорил, плач Юньтина мгновенно оборвался, словно его никогда и не было. Юньтин выглянул из-за пальцев, его глаза покраснели, как у кролика, и он охрипшим голосом спросил:

— Правда?

— Угу, — кивнул Ши Сюньлюй, и в его глазах промелькнула хитринка. Он улыбнулся: — Но тогда ты должен дать мне какую-нибудь свою личную вещь. В знак того, что мы теперь друзья. Как тебе?

Тон был такой, будто он разговаривал с маленьким ребенком.

Правила испытания гласили, что существует множество способов доказать победу над Лунной персиковой лисой, и каждый мог выбрать свой путь. Но древний дух оставался древним духом — большинство претендентов не могли одолеть его силой или заставить признать поражение. В таких случаях оставалось лишь проявить наглость и попросить у зверя памятный знак, подтверждающий, что ты сразился с ним и заслужил признание. Это не противоречило правилам.

— Друзья? — Юньтин склонил голову набок, подперев подбородок рукой, и погрузился в свои мысли. Он вспомнил, как в детстве младший соученик Цин Янь строго говорил ему: — Старший брат, все люди за пределами нашей секты — злодеи. Они притворяются твоими друзьями, чтобы заманить в ловушку и утащить в другие секты. Ни в коем случае не соглашайся. Они заставят тебя тренироваться до изнеможения и убивать людей, повсюду будет кровь, это так страшно.

Юньтин тогда так испугался описаний Цин Яня, что крепко обнял его и затряс головой:

— Я буду слушаться тебя, младший брат.

Цин Янь довольно кивнул и погладил его по голове:

— Вот и молодец, старший брат.

Но сейчас этот человек такой красивый, наверное, он не злодей... наверное. А если он и правда задумал что-то недоброе, так он, Юньтин, когда восстановит духовные силы, просто убьет его, и дело с концом.

Юньтин долго размышлял с озадаченным лицом, пока наконец не принял решение. Но для верности он потер подбородок, перестал всхлипывать и с наивным видом спросил:

— Ты не будешь сажать меня в мешок?

Ши Сюньлюй опешил, подумав, что ребенок довольно бдителен, и отмахнулся:

— Не буду.

— Ну ладно, — неохотно согласился Юньтин. Подумав, он снял со своих ушей серьги с персиковыми кисточками, вложил их в ладонь Ши Сюньлюя и пробормотал: — Забирай.

Ши Сюньлюй не ожидал, что ребенок окажется таким сговорчивым. Он довольно улыбнулся, выпрямился и похлопал Юньтина по голове:

— Тогда я пошел.

Юньтин с сожалением ухватился за край его одежды и жалобно спросил:

— А когда ты придешь поиграть со мной снова?

Ши Сюньлюй, спешивший на церемонию принятия в ученики, бросил на ходу:

— Как-нибудь потом.

Юньтин был взрослым и рассудительным, поэтому, как бы ему ни хотелось удержать Ши Сюньлюя, он разжал пальцы. Глядя в спину уходящему человеку, он подавил разочарование и, словно промокший котенок, без сил опустился под персиковое дерево. Он сидел, поджав ноги, и с надеждой смотрел в ту сторону, куда ушел Ши Сюньлюй, словно ожидая, что тот вернется.

Но Ши Сюньлюй оказался настоящим «негодяем»: добившись своего, он просто ушел, не оставив даже следа.

Юньтин: *слабый, жалкий и беспомощный.jpg*

Вскоре в ветвях персикового дерева послышался шорох. Юньтин выпрямился, и в его объятия прыгнула розовая лисица, начав тереться мордочкой о его шею.

— Где это ты шлялась? — Юньтин улыбнулся и начал гладить лисицу. Та лизнула его в щеку и, не имея сил принять человеческий облик, прижалась своим лбом к его, передавая воспоминания.

— Кто-то вызвал тебя на бой? — Юньтин, получив информацию, удивленно приподнял лисицу.
— Ты не поранилась?

Лунная персиковая лиса послушно втянула когти, чтобы не поцарапать лицо хозяина, и покладисто позволила себя осмотреть. Юньтин заметил, что на хвосте у нее не хватает клочка шерсти — видимо, кто-то попросил у нее знак, и глупая зверушка просто вырвала клочок своей шерсти.

Юньтин, одновременно жалея и посмеиваясь над ней, погладил хвост, но вдруг о чем-то вспомнил и резко вскочил:

— О нет!

Сопоставив воспоминания лисы с тем, как Ши Сюньлюй просил у него знак, он понял, что тот принял его за самую Лису, а он сам отдал ему свои серьги. Сможет ли тот пройти испытание с чужим знаком?

Юньтин заметался на месте, на лбу выступили капли пота. Вдруг его глаза блеснули, и он, приподняв полы одежды, помчался вниз с горы. Лиса, не понимая, что происходит, бросилась следом, издавая тонкий визг:

— Хозяин, ты покидаешь затворничество?

Юньтин не ответил. По мере того как он бежал, его духовная сила стремительно истощалась, и он начал уменьшаться, пока не превратился в маленького пухлого ребенка. Он сел, едва не споткнувшись о слишком длинную одежду, когда открывал барьер, но, упрямо поднявшись, продолжил путь.

Лиса, видя это, на мгновение остановилась, а затем обернулась ловкой девушкой в розовом. Вспомнив наставления старейшин о защите маленького хозяина, она побоялась, что в таком виде с ним что-то случится, поэтому, закусив губу, накинула ему на лицо белую вуаль, оставив открытыми лишь темные блестящие глаза, подхватила его на руки и полетела вниз.

Ши Сюньлюй ничего не знал о происходящем. Он с нетерпением мчался на церемонию, сжимая в руке серьги. После прохождения испытания начиналась официальная часть, и Ши Сюньлюй был так взволнован возможностью вступить в секту Юсянь, что едва не врезался в учеников, встречающих прибывших.

Ученик в синем, сбитый с ног Ши Сюньлюем, упал на землю, его прическа растрепалась, а брови сердито сошлись на переносице. Он подумал про себя: «Кто знает, может, ты и пришел учиться, но выглядишь так, будто спешишь на собственную свадьбу». Поправляя одежду, он буркнул:

— Где знак?

Ши Сюньлюй ухмыльнулся и протянул ладонь, на которой лежала серьга:

— Вот.

— Э-э, — синий ученик с удивлением взял украшение. — Почему твой знак не такой, как у других?

Ши Сюньлюй огляделся и увидел, что все остальные сжимают в руках клочки белой с розовым лисьей шерсти. Они смотрели на него, как на инопланетянина.

Ши Сюньлюй почесал затылок и неуверенно произнес:

— Может, потому что я красивее остальных?

Да, именно поэтому.

Гении, сжимающие в руках лисью шерсть:

— ...

Синий ученик закатил глаза, но возразить было нечего:

— ...

Секта Юсянь набирала учеников раз в тридцать лет, и в этот раз место испытания выбрали впервые, поэтому критерии были размыты — требовалось лишь принести знак, но не уточнялось, какой именно.

Подошла старшая ученица в желтом, внимательно осмотрела серьгу и положила ее на каменный столб у входа. Столб тут же засветился. Она кивнула синему ученику:

— От этой серьги действительно исходит аура Лунной персиковой лисы, ошибки быть не может. Если бы он схитрил и не сражался со зверем, а подделал ауру, учителя и старейшины не простили бы его.

Ее тон звучал как предупреждение. Ши Сюньлюй лишь подумал, что эта женщина слишком много болтает — неужели так трудно признать, что он красавчик?

Синий ученик махнул рукой, пропуская его внутрь. Остальные участники, сжимавшие лисью шерсть, чувствовали себя неловко — никто не хотел признавать, что выглядит хуже Ши Сюньлюя.

Когда Юньтин со своей лисой догнал Ши Сюньлюя, церемония уже подходила к концу. Увидев семи-восьмилетнего ребенка, который как пушечное ядро пытался прорваться внутрь, синий ученик преградил ему путь:

— Эй, малыш, сюда нельзя. Ты не ошибся дорогой?

Юньтин взглянул на эмблему секты Юсянь на его одежде и вспомнил наставление младшего брата — держаться холодно и величественно. Он остановился, смахнул рукав и, несмотря на детский голос, с ледяной угрозой произнес:

— Кто посмел преградить путь моему господину?

Синий ученик:

— ...

Он прыснул со смеху. Чего только не бывает в этом мире — даже ребенок называет себя господином. Решив подшутить, он ущипнул Юньтина за пухлую щеку:

— Ах ты, малыш...

Как только его рука коснулась вуали, ясное небо внезапно затянулось черными тучами. Раздался грохот грома, земля задрожала, словно сам Небесный путь пришел в ярость. Мир вокруг померк, превращаясь в подобие ада. Раздался свист ветра, и молния, словно кнут, ударила в каменный столб, превратив его в обугленные обломки. Огромное давление обрушилось на синего ученика, он с хрустом костей рухнул на колени, обливаясь слезами и соплями.

Волосы Юньтина взметнулись вверх, вспышка молнии осветила его лицо. Вуаль поднялась, открывая облик небожителя. Юньтин почувствовал, как духовная сила заполняет его тело, даньтянь заработал, и он на глазах стал превращаться в шестнадцатилетнего юношу.

Оценив свой рост и вспомнив, как Ши Сюньлюй гладил его по голове, он остался недоволен. Он поднатужился, став выглядеть лет на двадцать пять, но одежда стала мала. Поколебавшись, он взмахнул рукой, сменив наряд на роскошные красные одежды.

Он открыл ключицы, украшенные звенящими подвесками. Каждый его шаг сопровождался мелодичным звоном, обнаженная талия белела, а разрез на юбке открывал стройные ноги. С плеч свисали красные ленты, а лицо было прекраснее любой картины.

Лиса, готовясь принять человеческий облик, застыла, глядя на него:

— ...

Юньтин не видел ее выражения лица. Он поправил край одежды и, делая вид, что спрашивает между прочим, произнес:

— Красиво? Как думаешь, если я так пойду к нему, он оценит?

Лиса:

— ...

«Старейшина Муянь, — мысленно взывала она, — почему ты подарила маленькому хозяину именно женское платье?! Это же грех!»

Но...

Лиса невольно кивнула, глядя на его талию:

— Красиво.

Юньтин, довольный собой, хотел было достать зеркало, но, вспомнив о присутствии синего ученика (который уже был раздавлен давлением), решил придерживаться образа холодного и величественного мастера. Он пробормотал:

— Интересно, понравится ли ему...

А затем, коснувшись носками земли, полетел в сторону зала церемоний.

А в это время на церемонии старейшины, глядя на окровавленного юношу, который отказывался опускаться на колени, хмурились. Атмосфера была ледяной.

Автор:

Цзяоцзяо (Юньтин) видит Люйлюя (Ши Сюньлюя): ищет жену за тысячи миль.

Люйлюй видит Цзяоцзяо: слезы непроизвольно текут изо рта.

<http://bllate.org/book/19526/1914576>